

18+

ДМИТРИЙ ГРИНБЕРГ

Однажды это случится

Дмитрий Гринберг
Однажды это
случится. Сборник
рассказов, пьес, сказок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51690192

ISBN 9785449843357

Аннотация

Сборник «Однажды это случится» – это погружение в мир прошлого Америки, мистическую атмосферу пьес и сказок, и автобиографические воспоминания автора. (Часть произведений была опубликована самостоятельно). *Художник: Роберт Льюис Рид (1862—1929), картина: Две девушки читают. Находится в общественном достоянии.

Содержание

Часть 1 – Рассказы	5
ДЖУД	5
ДЖОДИ ПАРКЕР	14
ЖИЗНЬ ОЛБИ	16
ЗАГАДОЧНЫЙ ГОСТЬ ДОМА, ГДЕ ЖИЛА	18
САЛЛИ	
ЛЕС	22
МЕЧТА	28
ВЕЧНЫЙ СНЕГ	31
КТО ПРАВ	35
СОСЕДСТВО	38
ТО, ЧТО БЫВАЕТ В СЕРДЦЕ	49
ФРЕДДИ	52
ФЕДЕРЛАЙН, С ЛЮБОВЬЮ	56
ПРЫГ-СКОК	62
ПОЧТИ ЧТО ПОЛНОЧЬ	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Однажды это случится

Сборник рассказов, пьес, сказок

Дмитрий Гринберг

Редактор Дмитрий Гринберг

Корректор Дмитрий Гринберг

© Дмитрий Гринберг, 2021

ISBN 978-5-4498-4335-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1 – Рассказы

ДЖУД

День был тёмный из-за облаков. Уже пятые сутки висели над городом тучи, не пускаясь вплавь дальше по небу. Ни дождейки не выронили они за это время. Ветра не было, но холод пронимал до костей. Это было странно, ведь погода была достаточно тёплой. По небу летали голуби, на ветках сидели воробьи и что-то чирикали по воробьиному. Зима ушла, и все ждали полноценной весны. Особенно одна девочка. Она часто говорила про лето. Она говорила, что ждёт его. И, разумеется, перед летом идёт весна. Поэтому она ждала и её. Весна уже наступила, но она была всего лишь на календаре, и не ощущалась в воздухе, хотя в сердце всё было заполнено ею. Во дворе, где она росла жили и другие мальчики и девочки. Их было шесть или семь. Может быть, даже восемь. Трудно назвать точную цифру. То кто-то вселялся один из новеньких, то кто-то уезжал в другой город или район. Поэтому точных цифр не знает никто. Но жизнь здесь бурлила. Девочку звали Джуди. Ничем не особенная девочка, ничем она не выделялась. У неё были светлые волосы. Очень светлые. Мама её называла Солнышко. Мама её постригла ещё давно, сделав её волосы достаточно короткими, чтобы

они ей не мешали играть. Чтобы не попадались в глаза, как бы ты не бежал, как бы ты ни падал или не прыгал, – ты мог быть спокойным – они тебе не помешают, не запутаются. И Джуди это понимала. Ей было очень удобно, да и красиво ей было. Она даже думала, что такую форму стрижки однажды изобрели специально для неё. Только джентльмен этот потом скрылся, чтобы его не нашли. Трудно сказать, зачем ему это было делать, но Джуди искренне в это верила. Она даже порывалась несколько раз написать ему письмо с благодарностью, но каждый раз она его рвала, или просто не отправляла. Должно быть, Джуди страшно стеснялась его отправить, ведь она была очень стеснительная девочка. Такой вывод можно было заключить потому, как она обращается с животными. Она всегда гладила проходящую собачку, и давала ей имя. Собачка вскоре уходила, и имя забывалось, но собачке была оказана большая честь, ведь ей дала имя сама принцесса Джуди! Просто девочка эта придумала себе однажды во время игры, что она принцесса, и эта идея ей настолько понравилась, что Джуди решила с ней не расставаться. Правда, не было у неё ни слуг, ни подчинённых. Это была бедная принцесса, и Джуди прекрасно это знала. Главным её подчинённым был паж – Маркиз. Это был старый соседский кот. У Маркиза был всего один глаз, так как когда-то давно он подрался с американским бульдогом, который ему этот глаз и выбил. Раньше, в годы своей молодости Маркиз был буйным котом и любил встревать во всякие переделки

и взбучки. Иногда он брал верх, иногда над ним. Но сейчас он больше любил нежиться на солнышке, подставляя свою израненную мордашку под весенние лучи солнца. Этого кота иногда брались прогонять соседские мальчишки. Они бросали в него камни, и стреляли из рогаток. Благо, в Нью-Йорке в бедных кварталах было полно всякого мусора, поэтому им ничего не стоило в любую минуту запустить в Маркиза какую-нибудь палку. И хорошо, если из неё не торчали гвозди. Джуди иногда бралась защищать Маркиза, но всё это было бесполезно. Не по силам ей было вытравить злость из детского юного сердца. Однажды на Маркиза напал терьер, и тот спрятался на дереве. Видать, Маркиз совсем старый стал, раз слазить не хотел. Уже часа два прошло, как никакого лая не было, но Маркиз продолжал сидеть на дереве, и вид у него был странный. Если взглянуть на его потрёпанную мордашку, можно было подумать, что он не понимает, что происходит. Он смотрел прямо. Видно было, что он смотрел куда-то вдаль. Лишь изредка он поворачивал свою мордашку, чтобы посмотреть вниз. Но он не боялся высоты, и спускаться он тоже не собирался. Он просто смотрел вниз, так как, казалось, он ничего другого делать просто не может. Это заметила Джуди, она подошла к дереву, и заговорила с ним. Но кот ей не ответил, и это было очень странно. Джуди напугал такой ход событий. Обычно пажи должны исполнять приказы царственных особ, особенно если приказы эти даются во благо подданных. Но Маркиз не слышал девочку. И когда Джуди

это поняла, она заплакала. Никто не слышал, как она плачет, ведь у неё просто катились слёзы. Она привыкла плакать без истерик. Она была очень послушной принцессой, и никому особых хлопот не доставляла.

– Эй! А что это там Джуди делает?

Это спросил Грег. Мальчик со двора, где жила Джуди.

– Она просто сумасшедшая.

А это сказала Коди, – девочка с того же двора. Подружка Грега. Остальные ребята играли где-то в стороне, или были ещё дома и смотрели телевизор.

– Давай подойдём к ней? – спросила его Коди.

– Да ну её.

– Пошли, чего это она там стоит?

– Вот сама и иди. Надоела мне эта Джуди. Вечно возится то с собаками, то с котами. С ней даже никто не играет.

– Так, может, давай мы поиграем?

– Сильно охота!

– Не будь идиотом, Грег. Будет весело, я тебе обещаю!

– Ну смотри тогда, чтоб мне действительно было весело, иначе я не дам тебе больше торта. Мама торт сегодня испекла. Настояться только должен.

– Серьёзно? Тогда не будем идти к этой дурочке, вдруг тебе не понравится.

– Ты что, с ума сошла? Я уже собрался!

– Но я торт хочу! Плевать на эту несчастную.

– Дам я тебе торт, не переживай. Пошли к Джуди.

Но Джуди не слышала этого разговора, поэтому Грег и Коди подобрались неслышно. И напугали бедную Джуди.

– Слезайте, Маркиз. Я прошу вас в тысячный раз! Ну слезайте, я вас очень прошу, мне уже кушать пора. У меня сейчас живот к спине прилип! Пожалейте свою принцессу. Будьте рыцарем, в конце концов!...

– БУ!

Крикнул Грег прямо возле уха Джуди.

– А-А-А! Прокричала девочка и взмахнула дрожащими руками.

– Ты что, идиотка, раскричалась? – спросил Грег, с улыбкой, которая не сходила с его лица.

– Она же сумасшедшая... – сказала Коди, сложив руки у себя на груди.

– Ага. Точно. Я и забыл. Спасибо, что напомнила. Эй, Джуд! Слушай меня, когда с тобой старшие разговаривают!

– Хватит кричать! Ты всего лишь на полгода старше меня. Не командуй тут, ясно тебе?

– Ты когда-нибудь видела такое, а, Коди? Да такую зазнайку проучить надо!

– Как же ты меня проучишь?

– Он кота твоего дурацкого убьёт. Всё равно он на тебя похож. Такой же не от мира сего, как говорит моя мама.

– Не правда. Этот прекрасный котик не похож на меня. И здесь дело не в том, что у него всего один глаз. Он лишился второго глаза по нелепой случайности. Он был молод и го-

ряч, поэтому-то и поплатился за свою не рассудительность, когда рядом проходил бульдог, а мистер Маркиз забыл уступить ему дорогу.

– Забыл уступить дорогу! – прокривлял её Грег. – Ты что, полная идиотка? Как кот может забыть уступить дорогу собаке? Ладно. Сейчас мы собьём твоего дурацкого Маркиза с дерева, чтобы не загоразживал нам солнца!

– Нет! Не смей! Ему плохо! Не смей этого делать!

Но усилия Джуди были бесполезны. Грег сбил Маркиза с дерева, а когда тот упал, мальчик стал пинать его ногами. И пинал так долго, пока тот не умер.

Тут Коди сказала ему, что солнца им больше ничто не заслоняет, поэтому они могут оставить Джуд. И они ушли в свою часть двора.

Джуд встала на колени, и склонилась над бедным Маркизом, чья мордочка выражала всё такую же спокойную безмятежность, как и несколько минут тому назад.

Только губа была разодрана. Только глаза были закрыты, хоть и казалось, что он продолжает смотреть куда-то очень далеко.

– Проснись! Проснись, Маркиз! Я знаю, ты не спишь! Ты претворяешься, чтоб они ушли! Пошли, я тебя угощу чем-нибудь!

– Кажется, он тебя уже не слышит.

– Что?

Джуд оглянулась, и увидела, как сзади стоит Паркер.

Мальчик лет четырнадцати. Скорее всего, он хотел бы прийти раньше, и спасти Маркиза. Но у них с Грегом была давняя вражда, а Паркер сейчас был очень болен, и не решался вмешиваться.

– Прости, Джуд.

Но Джуди смотрела на Паркера заплаканными глазами, и ничего не могла сказать.

– Давай его похороним? Это был старый кот, должно быть, он поймал много мышей и заслуживает, чтобы его похоронили с достоинством.

– Да, – сказала Джуд, – их было, наверно, очень много. Как же мы его похороним?

– У нас на крыше теплица есть. Её ещё мой отец построил, теперь мне там возиться приходится. Пойдёшь со мной? Мне надо будет взять лопатку, выкопаем ямку ему где-то во дворе. Пусть спит мирным сном.

– Да, пошли. Тебе, наверно, тяжело ходить. Я бы сама сбегала, но у меня ключей нет.

– Нет, Джуд. Тебе нельзя быть одной на крыше. Ты можешь упасть.

– Как я могу упасть? Я маленькая, что ли?

– Нельзя, значит – нельзя.

– Ладно, идём уже.

Паркер и Джуди долго подымались по лестнице, так как лифт то ли не работал, то ли его вообще не было. Паркер зашёл в дом, взять ключи от двери, которая ведёт на крышу,

и вскоре дверь была отворена.

– Как здесь красиво! – сказала Джуд.

– Ты никогда здесь не была?

– Нет, я никогда не была на крыше. Но здесь так красиво. Даже небо расступается перед солнцем.

– Нет, небо не может расступаться. Это облака.

– Ладно.

– Подожди, я сейчас возьму лопатку. Она где-то здесь должна быть. Я поищу её в теплице.

Паркер какое-то время искал лопатку в теплице, но, по-видимому, ничего не нашёл.

– Джуд! Я не могу её найти!

– Как же так? Мы должны похоронить Маркиза!

– Не волнуйся, я не мог её никуда отсюда вынести, а кроме меня никто сюда не ходит. Только я тебя прошу, не подходи так близко к краю. Ты можешь свалиться.

– Ничего я не свалюсь. Я уже большая. Мне так небо лучше видно!

– Ладно. Я ещё раз пойду посмотрю, может, пропустил что. А ты не подходи к краю. Ясно?

– Ясно. Не волнуйся. Иди.

И Паркер снова пошёл искать лопатку в своей теплице, где было очень уютно. Там стояли разные горшочки с землёй, и что-то уже цвело, а что-то – нет. Какие-то только готовились, чтобы в них что-то посадили, но пока не пришло время.

– Паркер! Эй! Смотри, что я нашла!

Паркер выглянул из теплицы, Джуд стояла возле края крыши.

– Что ты там делаешь?

– Да смотри же, что я нашла! – сказала Джуд, и улыбнулась. Она в руке держала лопатку.

– Как ты её нашла? – спросил Паркер, подойдя к Джуд почти вплотную, чтобы забрать её подальше от края.

– Да вот же. Здесь, под тряпками. Её краешек стал блестеть, когда на неё упало солнце. Вот я её и вытащила.

– Ладно, ты молодчина. Только давай теперь уйдём отсюда.

Но Джуд не спешила послушаться совета Паркера. Она толкнула его со всей силы туда, где была самая шаткая часть крыши. Он зацепился о выступ, но тот не защитил его, и он перевернулся. Мальчик соскользнул вниз так быстро, что даже не успел закричать. Это было старое восьмиэтажное здание из коричневого кирпича с множеством пожарных лестниц. Внизу расстелся асфальт с классиками. Потеряв равновесие, Паркер пролетел головой вниз, даже не успев ничего понять.

– Урод... – сказала Джуд.

Так она отомстила за смерть своего друга Маркиза. В её сердце стало спокойней, и она могла наконец-то заняться обедом, ведь она была очень голодна.

ДЖОДИ ПАРКЕР

Я бродил старыми Нью-Йоркскими улицами. Каждый вечер я надевал пальто, открывал дверь, и выходил к величавому безмолвию, которое дарит бетон и асфальт этого города. Я выбирал улочки потише. Мне не нравилась толкотня, но меня завораживали жёлтые окна, что светились в этой певучей темноте. Должен сказать, я не привычен к такому колориту, сам я из Айдахо. Я приехал сюда в поисках работы. Должен сказать, я из простой семьи, вообще, я плотник, мой отец тоже им был. Он приучил меня работать руками и любить дерево. Славный он, жаль только постарел... Но все мы однажды постареем. Вообще, он странный человек, не каждый его поймёт. По выходным он любил смотреть одно дурацкое телешоу с этим комиком, как его? Да, Джоди Паркером. Никогда я не понимал этого. Но ему нравилось. После этого шоу, он обычно брал удочку и шёл на рыбалку. Иногда брал и меня с собой, но чаще ходил сам. В лесу ему нравилось быть наедине с природой. Он любил лес. Меня любил немного меньше, но я уже привык. Но знаете, что странно? Вчера, когда шёл дождь, и мне пришлось заглянуть в один бар, так как я не хотел промокнуть до нитки, я нашёл неплохое местечко. Там выступал какой-то комик на сцене. Шутки у него были, конечно, ещё те..., но сам он, вроде, ничего. Добряк одним словом. Ему, должно быть, за сорок. Как

и мне. После того, как он выступил, мы с ним выпили, и, когда он разговорился, он мне предложил кое-что. Работу он мне предложил. Сказал, что ему нужно срочно куда-то уехать, не сказал в чём дело, но, говорит, это место не должно быть пустым. В общем, он мне предложил занять его место, – стать комиком. Сказал, что очень я похож на Джоди Паркера. Не знаю, никогда не находил сходства. Это всё равно, как сравнивать вилку и арбалет. Ну, примерно такими странными мне казались эти слова... Очень странные слова были. Но я согласился. Стали подходить к концу мои денежные запасы, поэтому я согласился. Это для начала, во всяком случае на первое время, пока не подыщу что-то получше. Понимаете, просто я не хочу возвращаться назад, не для этого я уезжал. Но что самое интересное, когда я вышел из бара, и пошёл, было, обратно в гостиницу, меня окликнул какой-то незнакомый человек. Он сказал: Джоди Паркер, ты разве жив? И знаете, что здесь самое странное? Когда я посмотрел в зеркало своего номера, я увидел в нём Джоди Паркера.

24 апреля, 2018

ЖИЗНЬ ОЛБИ

Однажды жил мальчик, который влюблялся каждый день. Он влюблялся совершенно искренне, и готов был каждой своей избраннице подарить всю свою жизнь. Но ему не то, что не верили. Его просто не хотели слушать. Все эти девочки оказывались слишком капризными, и любили капризных мальчиков, совершенно ужасных. Тогда мальчик стал влюбляться в цветы и воздух, солнце и травы. Во всё живое. И это очень не понравилось девочкам, которых он любил раньше. Нет, они не стали испытывать к нему настоящие глубокие чувства, просто они потеряли своего обожателя, и только это их задело. А мальчик то и дело радовался жизни. Он смотрел, как медленно ползёт божья коровка, как красиво пролетает синяя бабочка, и как зелёные листья пожимают руки друг другу и что-то рассказывают. Когда он спрашивал взрослых, слышат ли они то, что говорят листья, те лишь пожимали плечами, и с недоумением смотрели на этого мальчика. Все считали, что он шутит. Но он не шутил, на самом деле листья действительно разговаривали. Они всегда рассказывали какие-то сказки. Особенно ночью. Иногда этот мальчик не спал, и подходил специально к окну, чтобы послушать эти сказки, ведь они были совершенно особенные. Так стали проходить недели, затем месяцы, а потом и годы. Раньше он ходил в школу, но потом пе-

рестал. Он перестал понимать, всё, что ему рассказывают. Тогда его стала обучать хороший преподаватель, старая приятельница мамы. Она была добра, и всегда общалась с ним, и он стал ей дорог. Но со временем он и её перестал понимать. Он просто её не слышал. Это стало очень беспокоить его родителей, но врачи только пожимали плечами, они совершенно не понимали, что с ним делать. Вскоре он перестал их даже видеть. Ему казалось, что на всей земле исчезли люди. Но это его ни капельки не огорчало. Он по-прежнему разговаривал с листьями, травой, солнцем и прочими дорогими для него созданиями. А в один день он перестал двигаться. Тогда мама вошла в его комнату, и обнаружила, что он совершенно никак не реагирует на её слова. Она стояла, и видела, как он просто лежит, и как еле поднимается его грудная клетка, он почти не дышал. В этот день его забрали в больницу, где он прожил ещё год, но уже с закрытыми глазами. Он всё ещё продолжал помнить, как разговаривает трава, какие сказки рассказывали листья, и как ветер игрался с ним весенними днями, когда распускались полевые цветы. Когда его сердце перестало биться, его опустили в землю, и через некоторое время там стала расти трава, цветы, и на них приземлялись пчёлы и бабочки. Теперь и он мог рассказывать сказки, надо было лишь дожидаться, когда весной появятся эти полевые цветы. Они всегда так красивы и недолговечны.

24 апреля, 2018

ЗАГАДОЧНЫЙ ГОСТЬ ДОМА, ГДЕ ЖИЛА САЛЛИ

Как-то раз Салли нашла свой медальон не там, где всегда. Это её очень удивило, так как она знала, куда его кладёт, и именно там было его место.

В принципе никто не мог взять её медальон. Ни дедушке, ни бабушке, он не был нужен. Вообще у них было плохое зрение, да вдобавок они были медлительны и скучны. Тогда Салли пораскинула мозгами ещё немного и подозрение пало на котёнка Китти. Возможно, это ему пришло в голову так подшутить над Салли. Но неужели котёнок настолько умный, что до этого додумался? Нет, тут дело было в другом. Но в чём именно? Это Салли и предстояло узнать. Правда минут через пять она махнула рукой, и решила, что это не такое уж важное занятие – почему это медальоны находятся в одном месте, а не в другом.

На следующее утро, когда солнце только-только стало пробиваться сквозь тщательно вымытое оконное стекло, Салли открыла глаза, и её не покидало странное чувство. Она тут же бросилась к своему медальону, который снимала на ночь, но он оказался на месте. Тогда Салли с большим облегчением вздохнула, и отправилась поскорей в свою тёплую кровать. Салли не любила холодные кровати, поэтому она тут же укрылась одеялом, и, со спокойной совестью за-

крыла глаза. Ей удалось снова уснуть, так как сегодня была суббота, а по субботам, кто не любит поваляться в тёплой домашней постели, когда не надо никуда идти, и когда тебя будут ждать вафли с клюквенным сиропом, как только ты спустишься на землю, то есть, в кухню, где бабушка уже всё приготовила.

Спустя часок-другой, Салли снова открыла свои глазки, и на этот раз она была совершенно спокойна. Она знала, что вчера ей всё это просто показалось, и не стоит ничего придумывать, а уж тем более валить всю вину на Китти.

Когда Салли встала во второй раз, и хотела было надеть свой сарафанчик, один из любимых, который всегда хвалила бабушка, то не смогла его найти. «И куда он мог деться?» думала Салли. «Уж Китти точно не могла бы его куда-то утащить». И на этот раз девочка надела другой, – у неё их было много, как и платьиц – она это просто обожала, но если честно, иногда ей так хотелось надеть мальчуковые штаны, чтобы не страшно было падать на коленки, когда играешься с мальчиками на улице, но бабушка всегда была против, поэтому Салли перестала даже заикаться об этом.

Когда Салли спустилась вниз, то была немного расстроена, и бабушка спросила, почему Салли такая грустная. Тогда Салли рассказала ей про сарафанчик, и про медальон. Тогда бабушка сказала: " Хм», и больше ничего не сказала. Она лишь поставила вафли на стол за которым сидела Салли, и пошла по каким-то своим делам. Возможно, гладить

Китти.

После завтрака, Салли, как и всегда в выходные, пошла играть на улицу с ребятами, где была с ними на равных. Ну, почти. Платьяца заставляли быть Салли, немного, как леди. Поэтому она опять досадно проиграла.

Так продолжалось целую неделю, пока дедушка с бабушкой не встревожились: «Всё ли в порядке с Салли?», задавали они себе вопрос. Они решили, что Салли почему-то сбрендилa, но поверить в это окончательно они не решались. Только снисходительные взгляды стала чувствовать на себе Салли, да какие-то фразы, наподобие: «Всё будет хорошо, ты только не волнуйся, моя дорогая». Бабушке Эмми очень совестно было признаться себе, что, возможно, по какой-то причине, их внучка абсолютно рехнулась.

Затем наступило очередное воскресное утро, тёплое, светлое солнце всё так же светило в стекло старой парадной двери, Салли сидела за столом и что-то кушала. Бабушка была рядом и что-то вязала на зиму. Их позвал дедушка Смайлайк, показать стену дома, и посоветоваться пора ли её ремонтировать.

Когда все вернулись в дом, и сели за тот же стол, за которым сидели десятью минутами ранее, то бабушка заметила на спинке стула мальчуковые штанишки. Она тут же взглянула на Салли, но вспомнила, что Салли была с ней всё это время. Как и дедушка Смайлайк. А больше это сделать было некому. Тогда она не на шутку перепугалась, и взглянула

на потёртые колени Салли, которые были то в пластырях, то чем-то помазаны. А ещё из карманов этих штанов торчала записка, где большими буквами было написано: «ДЛЯ САЛЛИ!» – говорилось там. Бабушка была суеверной, чего уж там скрывать, и решила, что лучше уж не шутить с чим бы то ни было, и вручить их Салли.

Пока бабушка всё это думала, Салли вдруг увидела в стеклянной части двери чьи-то глаза и чёлку. Она сразу их узнала – это был Питер, мальчик, с которым она всегда играла, но никогда не могла у него выиграть.

15 апреля, 2018

ЛЕС

По 44 дороге, в третьем часу пополудни, мы ехали с Чарли в лес, чтобы снять напряжение после долгой рабочей недели. Погода стояла всё ещё тёплая, хоть и было уже 4 октября. Чарли то и дело высовывал свою морду в открытое окно, чтобы принюхаться. Но, я больше склоняюсь к мысли, что ему просто нравился поток лесного воздуха. Я сидел за рулём, и в эти минуты мне нравилось управлять своей машиной, которая рвалась вперёд, словно опьяненный свободой мустанг. Дорога была ровной, но местами извилистой. Над нами уже некоторое время возвышались большие зелёные деревья, чьи листья ещё не тронула осень. Я слушал шум ветра и мотора. Для меня эти звуки сейчас были гармоничнее любой симфонии. Прохладный воздух залетал в салон машины, и здорово бодрил. Именно в эти минуты я думал, как же хорошо, что всё так сложилось. Как здорово, что я жив. И мне радовала душу мысль, что я нахожусь именно здесь и сейчас. К тому же со мной был Чарли, который меня ещё ни разу не предал, в отличие от моей жены, с которой я только что развелся. Страшная стерва была. Не завидую я тому парню, который попадётся на её пути.

Но я постарался отогнать от себя дурные мысли разговором со своим приятелем.

– Чарли, – сказал я. – Что, никак не надышишься, да, дру-

жище? Ну, ну, не смотри на меня так. Я же совсем не против. Ты помнишь, о чём мы договаривались? Нет? Ты уже всё забыл? Ещё бы. Ладно, слушай, ты в лесу никуда не убегаешь, и ни за кем не бегаешь, ясно? Разве что это будут какие-то люди. Но, я надеюсь, их сюда никакой чёрт не занесёт.

Чарли что-то гавкнул мне в ответ два раза, и я понял, что мы условились.

– Ну, хорошо, Чарли. Я вижу, ты умный парень. Я на тебя рассчитываю.

Минут через 10 я заметил небольшую полоску из опавших оранжевых листьев. Там я и решил остановиться. Машину пришлось немного подать на обочину, чтобы не так бросалась в глаза. Я собирался провести ночь в лесу. Так я хотел успокоить нервы. Хотел надышаться этим воздухом, от которого со временем голова идёт кругом. Да и Чарли полезно было сменить обстановку. Ему в квартире, должно быть, стало тесно ещё с тех пор, как он перестал быть щенком. А для такой породы собак нужен простор. Здесь свободы было в самый раз. Из багажника я достал походный рюкзак, поставил машину так, чтобы она не скатилась в овраг, и мы с Чарли пошли в самую чащу, туда, где воздух был самым свежим и самым лесным.

– Ну что, дружище, нравится здесь?

Чарли понимал то, что я ему говорю, в ответ он замахал хвостом и сделал свою собачью улыбку. Со временем он стал бежать впереди меня ярдов на 20, ему не терпелось из-

ведать здесь каждый куст, и каждое дерево. Он нюхал землю, и о чём-то старательно задумывался, после чего бежал дальше, как ни в чём не бывало. Иногда он останавливался, и смотрел на меня, словно спрашивая, зачем я так медленно плетусь?

– Я всего лишь человек, Чарли, не забывай об этом!

Он решил остановиться, и подождать меня. Должно быть, ради нашей давней дружбы. Заботливый парень, ничего не скажешь.

Я дошёл до него, и почесал ему затылок. Он тут же рванул вперёд, и нашёл себе какую-то длинную палку, и стал таскаться с ней некоторое время. Изредка он поглядывал по сторонам, когда слышал какие-то звуки. По нему было видно, как ему не терпится взять след, и поймать здешнего зверька. Но он знал, что я этого не одобряю, и сдерживал свои эмоции, и возвращался назад каждый раз, когда удалялся слишком далеко, увидев что-то на дереве, или среди травы.

Но когда я заметил, что у Чарли недоумевающие глаза, я понял, что мы идём слишком долго, и пора остановиться, разбить палатку.

Я снял рюкзак, и почувствовал себя так, словно я оказался в невесомости. Я вдохнул полной грудью, и воздух был просто чудесен. Я сделал ещё один вдох, но уже не такой глубокий, и решил осмотреться, чтобы понять, удачное ли место я выбрал для ночлега.

Часы говорили, что наступил шестой час. Настала пора собирать дрова для костра хворост. Ставить палатку лучше, когда рядом что-то трещит. Минут 20 ушло на то, чтобы оранжевое пламя вонзилось в лесные сумерки. Прохладный воздух не давал мне слишком медлить. Как только с костром было покончено, я достал палатку, и в скором времени она была натянута, я ещё с детства умел неплохо с ней справляться, так как часто ходил в походы. В 19:30 стало удивительно холодно и я залез внутрь, и включил светильник. Чарли вошёл за мной. Нельзя было оставлять его снаружи. К тому же Чарли вёл неплохие беседы. Во всяком случае, его глаза говорили о том, что он меня внимательно слушает.

Я достал охотничий нож, затем проверил револьвер, – патроны были на месте.

Лесные звуки в ночное время всегда особенны, сколько бы я их не слышал, а мурашки так и бегут по коже, ей богу. Что только не услышишь в это время. Чарли был настороже, и его вид стал внушать тревогу.

– Эй, Чарли, здесь волков нет, – говорю. – Во всяком случае, я о таком не слышал. Ты меня слышишь, нет? Ну так вот, здесь их нет, ясно? Можешь не смотреть на меня такими большими глазами. Ты бы сейчас лучше послушал радио, верно? Радио лучше, чем мои сказки, ты это хочешь сказать? Ну, не знаю. Я мог бы с тобой поспорить, старина.

И тут Чарли наострил уши, – он явно что-то услышал. Он поднял голову, и стал внимательно прислушиваться к лесно-

му затишью. Я тоже, затаив дыхание, стал слушать каждый звук. Через несколько секунд я различил, как хрустнула ветка. В промежутках между мелкими шорохами сова вела отсчёт, смысл которого знала только она. Постепенно на спине у Чарли шерсть встала дыбом, он явно был готов на кого-то напасть. Только на кого? Страх нас сковал и ожидание стало нашим третьим спутником. Я хотел, было, снова заговорить с ним, но понял, что любой звук может заглушить то, что творится снаружи, и можно что-то упустить.

В таком ожидании прошёл целый час. Я решил, что лучше оставить пистолет рядом, на случай, если им придётся внезапно воспользоваться. Целый час мы были готовы ко всему. Но затем усталость стала брать верх, глаза стали смыкаться.

– Ложись спать, пусть нас убьют во сне, Чарли.

Он взглянул на меня так, словно понял, о чём я говорю.

– Да нет же, я шучу, – решил я успокоить его.

Я лёг, и через несколько минут Чарли сделал то же самое. Затем он закрыл глаза и уснул. Но я всё ещё продолжал лежать и смотреть вверх, меня раздирали мысли. Они были страшнее любого животного. Но ожидание отняло у меня слишком много сил, и я уснул, словно не спал целую неделю.

Когда я открыл глаза, Чарли уже бодрствовал. Он лежал, осторожно прислушиваясь к тому, что находится за тканью палатки. Через минуту я встал и открыл её. Он первый вышел наружу, и резво всё оббежал. Он принюхивался к земле и поглядывал то вверх, то куда-то вдаль. Я, постояв с мину-

ту, решил, что здесь лучше не задерживаться слишком долго. Завтрак мог подождать. После сна, когда ты восстановил силы, инстинкт к самосохранению оживает, и становится, как новый. Иногда посматривая по сторонам, я собрал палатку, и подозвал Чарли к себе.

– Ну что, старина. Мы пережили эту ночь. Пойдём?

И мы отправились к машине, которая стояла на обочине. Кажется, её не тронули.

3 мая, 2018

МЕЧТА

Однажды я видел лицо. Я запомнил, так как оно мне понравилось. Это было идеальным лицом. Впрочем идеальным в ней было всё.

Улыбка почти не сходила с её лица. Она просто сияла, иначе не скажешь. Всё в ней говорило о надежде. Да, глядя на неё, каждый мог обзавестись такой нелепой штукой, как надежда. Надежда на что? Да на что угодно. На завтрашний солнечный день, на то, что наша футбольная команда победит у титулованного соперника. На то, что президент раскается, и скажет, что так больше не будет. Ты мог поверить во всё, что угодно глядя на неё, на её неповторимую искреннюю улыбку.

Она выбрала себе смешного паренька, у которого была предрасположенность к полноте, но кое-как ему это удавалось не то, что бы скрывать, просто он не выглядел уродом, и рядом с ним она была абсолютно счастлива.

Я вспоминал о ней по несколько раз в год это точно. Мы были из разных городов, поэтому не встречал её на улице, (да, забыл сказать: они поженились), не видел, как она стареет. Когда видишь человека каждый день, изменений почти не заметно, но недавно, а если быть точным – вчера я снова увидел её. Не могу сказать, что я бы её не узнал, но это был совершенно не тот человек, о котором я помнил столько лет,

чьё лицо стояло у меня перед глазами, когда я их закрывал, и думал о чём-то прекрасном.

Мне вдруг стало очень страшно – все её прелестные достоинства превратились в недостатки. Уже не было той сияющей улыбки. Вместо неё появилась какая-то не снимаемая маска печали и усталости. Как и водится, пропал вкус к одежде, она стала неприметной мышкой с потухшим взглядом, и осунувшимися плечами. Потом я увидел и её мужа. Теперь он не носил свои идиотские пёстрые одежды с подтяжками, бабочками, шляпами и брюками в клеточку, и бог ещё знает с чем. Теперь он был просто толстый мужчина с короткими волосами. Он, должно быть, по-прежнему вызывал у неё умиление. Должно быть, она каждый раз глядя на него, думала: «Ничего... Мы состарились вместе...», и мне стало их так жаль. Затем я посмотрел на своих друзей, большинство из которых превратились в приятелей и просто знакомых. С ними произошло то же самое. Они распухли, всё мешанство расцвело в них, как ромашки на диком поле, до куда не могла бы добраться газонокосилка. Я вспомнил молодых подруг, которые думали, что так всю жизнь и будут спать в обнимку, а теперь они даже не разговаривают. Таких подруг я видел достаточно много, и никто из них не мог поверить, что с ними произойдёт то же самое, все они думали, что будут вечно молоды, и правила их не касаются. Но печальнее всего то, что я вспомнил и о себе... вот только я не знаю, как я выгляжу со стороны... Боюсь и предположить.

Как выяснилось, об стекло можно поранить не только пальцы, или руки. Об него можно поранить даже глаза, взглянув в зеркало.

К тридцати годам ты не тот, каким привык себя видеть, и этот упрямый факт каждый раз, каждый чёртов раз будет тебя ранить до конца твоих дней, и к концу жизни твои глаза покроются таким количеством шрамов, что ты начнёшь плохо различать предметы. Но на самом деле, для тебя это станет счастьем, потому что отражающих поверхностей со временем становится слишком много...

18 апреля, 2018

ВЕЧНЫЙ СНЕГ

Сколько же дней шёл снег, никто вам и не скажет. Я тогда проснулся рано, очень рано. Мы собирались с отцом на охоту, но в тот день так и не смогли выйти из дому – никто не смог. Навалило столько снега, что дверь нельзя было открыть. На улице было очень холодно. Наверно, пар изо рта сразу в сосульки превращался. Отец растопил камин, и в доме стало теплее. Возле него всегда уютно сидеть. Особенно, если истории приятные. Только нам в тот вечер было не до историй. Тьма опустилась на город. Весь Флейстаун был, словно под чёрной мантией. Я тогда сказал:

– Пап, могу я позвонить Сэмюэлю?

– Сэмюэлю, говоришь? Думаешь, им сейчас до телефонных разговоров? Тьма за окном. Все наблюдают за этой тьмой. Никто не знает, что это. И всем страшно. Даже мне. Понимаешь, Майк, даже мне.

– А мне, кажется, в этом ничего страшного нет, пап.

– Я был бы очень рад, если бы ты был прав. Но мне кажется, что прав я. Мы должны быть начеку всё время. Понимаешь, Майк? Всё время. Никто не знает, что может случиться. Никто не знает, важна ли тишина. Я предполагаю, что важна. А ты, как думаешь, Майк, для нас важна тишина?

– Да, сэр. Важна.

– Вот это правильный ответ. Молодец, сынок. Так и надо

отвечать своему отцу.

Не хотел я ему говорить то, что думаю на самом деле. Он бы меня просто прибил. Он тупой ублюдок. Любит, чтоб всегда всё было по-идиотски. Всегда всё по-идиотски. Как же я хочу вырасти и вмазать ему, как следует. Какой он герой с маленькими детьми так разговаривать. Сколько себя помню, всегда он был придурком. Только на улице он не такой крутой. Особенно, если парень вроде него ему попадётся. Равный. Чтоб силы были равные. Тогда он, как трус себя ведёт, только виду подавать не хочет. Я как-то заикнулся на этот счёт, так сразу получил так, что целую неделю боялся на него смотреть. А мне сейчас так нужен был голос Сэмюэла. Или хотя бы Бадди.

– Эй, Майк. Иди сюда. Давай вместе посмотрим бейсбол. Только не забудь принести мне банку пива! Слышал, Майк?

– Да, пап!

Спросил бы я у него, а как же тишина? «Тишина так важна». Ничерта она не важна, просто этот ублюдок любит запрящать мне то, что мне нужнее всего. У него хороший нюх к этому, хороший, ничего не скажешь.

– Спасибо, сынок за пиво. Садись рядом.

– А можно я пойду к себе в комнату?

– Нет. Ты будешь смотреть бейсбол. Понятно?

– Да, сэр.

– Вот и садись. Будешь мне пиво приносить, когда заканчиваться будет. Слышал меня?

– Да, сэр.

– А теперь тихо. Матч начался. Как же, чёрт возьми, я люблю эту игру. Жаль, что ты не пошёл в отца, сынок. Не знаю только в кого ты пошёл. Может, ты знаешь, а?

– Нет, сэр.

– Ты даже этого не знаешь. Я и не удивлён. Ладно, заткнись теперь.

И я заткнулся. Мне велено было заткнуться, и я заткнулся. Мне пришлось весь вечер смотреть с ним игры. Он включал один матч за другим. Он видел их уже сто раз, но, наверно, мозги его не могли их удержать в памяти, поэтому он брался за них снова, и всё, как в первый раз. Да, хорошо быть дебилом.

– Поставь банку на место, и дай мне новую.

Я принёс ему ещё одну банку, и он был уже чертовски пьян. Мне страшно было ему попадаться на глаза, я мог получить. Поэтому хотел, чтобы он побыстрее уснул. Когда он спит – это лучшее время в доме.

– Что?! Что ты сказал?

– Ничего, пап.

Он уже стал проваливаться в сон. Уже стал храпеть. Теперь телевизор мог работать на всю громкость, и это его не разбудило бы. Я бы хотел, чтобы вернулась моя мама. А ещё лучше, чтобы она забрала меня от него. Она обещала, что так и сделает. Но уже второй год я получаю только открытки и несколько долларов. Наверно, у неё просто больше

нет. Чёрт, сейчас бы я мог позвонить Сэмюэлю, или Бобби, но мне уже не хотелось. Самому бы отправиться в постель. Так хочется, чтобы, когда я проснулся, ничего этого не было. Может быть, эта тьма вырвалась из его сердца? Мам, как ты думаешь, мам?

27 апреля, 2018

КТО ПРАВ

– Нет ли в тебе зла? – спросил меня как-то священник. Мне тогда было около семи лет, и я запомнил только его имя. Его звали Уильям. Имя, и вместе с ним тут же у меня в памяти всплывает белая полоска на его шее. Полоска Уильям – именно так он мне и представляется.

Я не знаю, почему он мне задал этот вопрос, может быть, я что-то натворил? Ничего не могу вспомнить. Разве что следующий день. Это был странный день. С самого утра он был дождливый, дул страшный ветер, выйти на улицу было просто невозможно. Я помню, как этот ветер швырял нам в окно какие-то щепки, сухую траву, и ещё всякую мелкую дрянь. Я тогда сидел как раз напротив окна, и наблюдал. Мне было интересно, как невидимая сила поднимает предметы с земли и может с ними что-то делать.

Я был просто заморожен. Но мама меня постоянно отгоняла от окна, боялась, как бы в меня чего не угодило. А я сидел, как замороженный и не мог пошевелиться. Потом погода стала со временем утихать, и мама успокоилась. Через час даже показалось солнце. Его лучи казались особенно яркими, мне сразу же захотелось выйти из дому. Но мама сказала, что лучше пока не выходить. Прошло ещё часа два, и приехал отец. Он ездил на ферму что-то разузнать насчёт молока. Были какие-то проблемы то ли с коровами, то ли с молоком,

уже толком и не помню. Не могу сказать. Но когда он вернулся, я был особенно рад его возвращению, так как знал, что с ним меня мама точно отпустит.

Я проследил, как он вышел из машины, и направился к дому. Скрипнула дверь, и я обернулся к нему.

– Хьюи! – сказал он мне радостным голосом. Я подбежал к нему, и он меня поднял.

– Дорогой, ну что там?

– Всё в порядке. Джон сказал, что к пятнице всё будет готово.

– А насчёт коров?

– Насчёт коров ещё не знаю. Надо будет съездить ещё раз.

– Может быть, достаточно будет просто позвонить?

– Надеюсь на это.

Тогда мама поцеловала папу, и вернулась на кухню.

– Пап, а мы сможем погулять?

– Ты хочешь погулять?

– Да, пап. Очень хочу!

– А как же ужин?

– Ну пап!

– Хорошо. Я только скажу твоей маме, что мы отлучимся ненадолго.

И он отправился в кухню, где мама что-то готовила.

Через минуту он вернулся, и сказал:

– Всё в порядке, Хьюи. Я всё уладил, мы можем идти.

Я тут же побежал к двери, но отец меня окликнул.

– Хьюи, только тепло оденься!

Мне пришлось вернуться, и взять свою куртку.

Когда мы шли по Улице Красок, отец спросил меня:

– Как ты думаешь, в тебе много зла?

Я очень перепугался, и посмотрел на него. Он тоже повернул ко мне голову, и улыбнулся, будто ничего и не было. Но минут через двадцать стало уже холодать, и мы пошли обратно.

Когда я увидел наш двухэтажный дом, я тут же обрадовался, я очень хотел попробовать то, что приготовила нам мама.

Когда мы подошли к крыльцу, отец положил руку мне на плечо, и остановил меня. Он снова задал мне этот вопрос. Это меня испугало ещё больше, и я закрыл глаза.

Я их так крепко стиснул, что они аж заболели. А ещё я закрыл руками свои уши. Мне кажется, что через минуту я стал кричать. А потом, когда я открыл глаза, я почему-то стоял на самом краю обрыва. Мой отец висел на краю, – он держался за какую-то высокую траву, что вскоре вылезла с корнями. И с тех пор я постоянно задаю себе вопрос: «Много ли во мне зла?».

16 апреля, 2018

СОСЕДСТВО

Шторка была поддернута левой, чем надо. Солнце уже садилось. Но это не было чем-то красивым. Небо было затянуто тучами, и холодный серый цвет весь день заползал ему в душу. Шторка по-прежнему была не на своём месте, и он не мог отвести от неё глаз. Ему стоило сделать два шага, протянуть руку, и он убрал бы её в нужное положение. Но это было бессмысленно. Он знал, что уже ничто не может вернуть всё на круги своя. Уже никогда не будет так, как было.

Сразу за окном начиналась земля. Пыль скапливалась толстым слоем, и когда начинался дождь, он превращал всё в коричневую кашу. Сверчки, начиная с вечера, крутили свою волынку, и он по привычке начинал ждать, когда они проснутся. Ближе к вечеру они так и делали, и не было повода ему сокрушаться на этот счёт. Ночи были тёмные, звёзд почти не было видно. С большой уверенностью можно сказать – он просто знал, что они есть, но с ними что-то не так. Собака, живущая не так далеко, иногда давала о себе знать. Он знал, что её специально морили голодом, чтобы она была злой. Чтобы она лучше охраняла. Это животное – кости, обтянутые кожей – ещё могло двигаться и издавать звуки. Но между ними накапливалась тишина. Иногда она разрешалась грозой. И когда капли молотили в окно, ему казалось, что так лучше. Теперь он не один. Он игрался с светильни-

ком. Включая и выключая свет, он пытался понять, как ему лучше. Он мог делать так целых полчаса подряд. Иногда через день перегорала лампочка, и он ставил новую. Он сделал хорошие запасы лампочек, и всего у него было припасено вдоволь. Горючее, спички, продукты, соль – всё лежало на своих местах. Аккуратно, как он их положил в самом начале.

Иногда по утрам поздней осенью в дом доносились крики чаек. Он жил там, где они обитают. Если птицам предстояло зимовать в других краях, они пролетали над его домом. «Что же вы делаете» говорил он, когда выйдя из дому, он находил птичий помёт разбросанный по всей округе.

Он любил ночь. Но ночи становились холодные. Приходилось надевать всё больше одежды. Огонь в доме горел в этом году как никогда ярко. На столе иногда оставались крошки, он устал заставлять себя делать бессмысленную работу – всё равно никто ничего не увидит. Но желоба и водосток приходилось держать в исправности. Тут никто не поможет, если дом придёт в негодность. Все запасы денег он потратил на бывшую жену, поэтому делать ремонт было ему не по карману. Он её очень любил. Она тоже его любила, во всяком случае, так ему казалось. Это длилось три или четыре года, но как-то в один день всё оборвалось. Он почувствовал, что она больше ему не принадлежит.

Они расстались тихо, без скандалов. Он иногда вспоминал о ней, но это было не часто. Чаще он выходил из дому,

чтобы прислониться спиной к закрытой двери, и смотреть вдаль.

Здесь мало людей, но если вы вздумаете сюда приехать, то вам предстоит сесть в поезд. За окном вы увидите высокую траву, и редкие деревья, где-то вдалеке переходящие в лес. Дорога сюда займёт часов четырнадцать. При себе надо иметь всё, что вам будет необходимо. Купить здесь это негде. Здесь нет ни аптек, ни магазинов, ни кафе. Зато есть небо, тишина, и вы со своими мыслями. Иногда они опаснее, чем всё остальное. Но здесь, всё же, красиво. Чтобы дойти сюда, вам предстоит после поезда идти часа два или три, прежде чем увидите небольшой городок среди пустынной местности, увитый цветами, и погрязший долгими годами в тоску и однообразии. Где-то вдалеке отсюда видны горы, не очень большие, и снега там нет. По утрам из-за левой горы (Гран) встаёт солнце, и лучи его падают на старые крыши старых домов. Почти все люди с этой округи живут здесь. Но он решил уйти дальше. Сюда он приходил только раз в одну-две недели, чтобы кое-что подкупить, из того, что здесь можно было найти – смотря, когда у него заканчивались запасы. Там, где он жил стояло поодаль друг от друга четыре дома. Все они были построены лет тридцать-сорок назад. Вряд ли много больше. Здесь до неба было далеко, будто на самом дне высохшего моря находилось это место. Небо чаще всего было чистым, изредка по нему тянулись тонкие облака.

Там, где были горы, там была и трава. Если припасть

к земле ухом, можно было услышать, как она шумит. Здесь почти никто не жил. В полумили от дома находилась река. Воды в ней были всегда холодными, и он часто выходил на лодке рыбачить на несколько часов, пока руки не отяжелеют от усталости. Другой раз соседи заходили в гости. Что-то близкое видели они в глазах друг друга, хоть и не имели большую симпатию, но то, что их привело сюда, выдавало себя сразу.

Он пил чёрный кофе и смотрел в окно. Небо сегодня было чистым. Солнце покрыло собой всё. Он помнил про ту часть окна, которая его раздражала, хоть уже и не смотрел в её сторону, он думал, что сегодня вечером достанет сигареты и бутылку виски, сядет возле двери, и будет дышать чистым, беспмятным воздухом.

На следующий день к нему пришёл сосед. Он был с ружьём наперевес, так как собирался отправиться в лес, чтобы подстрелить что-нибудь себе на ужин.

– Утро доброе. Уже с бутылкой?

– Это чтоб быстрее проснуться.

– Ну-ну...

– Ты что, пришёл посмотреть, что я делаю с самого утра?

– Нет. Хотел спросить: идёшь ли ты со мной?

– Снова подстрелить кого-то вздумал?

– Да. Думаю сегодня хорошенько поужинать. Так ты со мной, нет?

– Погоди, только возьму ружьё и патроны.

Он зашёл в дом, достал из коробки два десятка патронов, сухих, как раз для охоты, надел тёплую куртку, и на плечо повесил старое ружьё. Он допил стоявший на столе, почти остывший кофе, сунул пачку сигарет в наружный карман куртки, оглядел всё, выключил свет и запер дверь.

Они вышли на ту дорогу, которая вела к горам, а затем дальше, в лес, солнце ещё не успело подняться высоко, многие в городах были ещё в постели, а тем, кто встал – казалось, что они ранние пташки. Воздух был сухой и ясный, идти быстро не было смысла. Утро только начиналось. Он потянулся за второй сигаретой, и остановился прикурить. Когда он обернулся, его сосед уже лежал на земле. Он подошёл к нему, положил руку на шею, там, где была артерия, и пощупал пульс.

– Чёрт бы вас побрал... – сказал он.

Вечером его сосед находился дома, за ним ухаживала жена, а Верджил ушёл за час до того, как потерявший сознание пришёл в себя. Вечером здесь находился и доктор.

На следующий день Верджил сидел за кухонным столом и обедал запечённой говядиной и бобами. Он то и дело поглядывал в окна, где матовый свет разлился по всей земле и молочная дымка каким-то образом успокаивала, стоило лишь взглянуть в окно. Он ничего не ждал, он даже сам не знал, почему он это делает, должно быть, так происходит всегда, когда пустое любопытство овладевает человеком

в минуты праздности. Там, куда он смотрел, ничего существенного не происходило. Лишь птицы светлыми пятнами проносились на юг, оставляя здесь самых неторопливых особей. Верджил сделал большой глоток, отодвинул металлическую чашку, и положил руки на стол вместе с локтями. Какая-то мысль появилась в его голове, – судя по его глубокому молчанию, это была значимая мысль. Внезапно он резко повернул голову в сторону, будто услышал какой-то шум, и прислушался. Но ничего не произошло, и он вернул голову в прежнее положение. Ход часов, висевших на кухонной стенке, стал нести совсем другой смысл. Он проверил всё, что находится в его карманах. Это были поиски не чего-то явного. Кажется, он просто боялся что-то упустить, или пытался что-то вспомнить. Не найдя ничего нового, и не обнаружив слишком важную ценность в тех предметах, которые были извлечены из карманов, он снова вернул руки на стол и задумался. Птиц уже не было видно, поэтому незаметно стало спокойнее.

Через секунду он услышал стук в дверь. Не став медлить, он покинул свой табурет, и направился к звуку.

– Доброе утро, Верджил.

– Доброе. Как там Джон?

– Ему лучше, он почти в порядке.

Это пришла Фэйт, жена Джона. Того, кто рухнул на землю днём ранее.

– Я могу как-то помочь?

– Он попросил, чтобы ты зашёл сегодня к нему, сможешь это сделать?

– Да, конечно. Хоть сейчас.

– Нет. Лучше вечером. Сейчас он ещё слабый. Ему лучше отдохнуть.

– Да, ты права. Тогда вечером я зайду. Стой, может, я могу ещё что-нибудь сделать?

– Нет. Нет, всё в порядке. Не беспокойся.

– Тогда до встречи.

Фэйт улыбнулась, и неспешно пошла к своему дому.

Верджил посмотрел на небо, птицы были видны где-то вдалеке, но их не было слышно.

Весь день Верджил ходил, как неприкаянный. Огрубевшие от работы руки в этот день не притрагивались ни к топору, ни к отвёртке, ни к тряпке для мытья посуды. Любому сразу становилось понятно, что его что-то гложет, то, что невозможно поймать, то, что ускользает прямо из-под носа. В четвёртом часу Верджил сел за стол с банкой консервов, и принялся обедать. Очерствевший хлеб был как раз кстати. В его голове пронеслась мысль: будь этот хлеб чуточку получше, – таким к которому он привык – он бы не выдержал. . .

Доев всё, он выбросил банку в мусорное ведро, выпил чай, и в седьмом часу надел пальто, затем посмотрел в своё зеркало, и, не найдя отражение чересчур привлекательным, захлопнул за собой дверь.

Птицы всё ещё продолжали лететь на юг. В свете луны были видны чёрные точки с подвижными линиями возле туловища – пожалуй, это были крылья. Ощущение, что небо было живым так долго уже начинало давить.

Верджил покинул участок своего дома, и через две минуты оказался возле Джона. В доме горел свет, и Верджил постучал в старую деревянную дверь, которая уже давно потемнела от дождей и ветра. Он постучал сильно, словно нуждался, чтобы его тут же пустили, но выражение его лица почему-то было абсолютно спокойным, глаза были холодными. Через несколько секунд возле двери послышался шорох, и дверь приоткрылась. Полоска света тут же упала ему на ноги. Он опустил глаза, и увидел, как внизу образовалась маленькая тень, её отбрасывали сапоги, – его большие и грязные сапоги NN размера.

– Здравствуй, Верджил. Проходи, не стой на холоде. Джон тебя уже ждёт. Кстати, ему уже лучше, не волнуйся.

Верджил вошёл в дом. В доме было тепло и уютно. В прихожей горел приглушённый свет. Он снял пальто, и направился дальше. Фэйт сказала, что Джон ждёт его в кабинете.

– Может, выпьешь чего-нибудь?

– Нет. Я стараюсь пить меньше, иначе я теряю контроль.

– Только прошу тебя, не говори с ним про рыбалку ладно? Даже, если он сам начнёт, смени тему.

– Рыбалка – это не моё любимое занятие.

Они подошли к кабинету. Дверь была плотно закрыта.

– Ну, я вас оставляю, – сказала Фэйт и тихо удалилась куда-то в темноту.

Верджил открыл дверь, и в полутёмном кабинете на диване увидел Джона. Он полулежал на старом кожаном диване. Его лицо выражало мучения. Но эти мучения с силой подавлялись.

– Входи, – тихо сказал Джон, и немного приподнялся

– Вхожу, вхожу, – Верджил закрыл за собой дверь.

– Тебе Фэйт ничего не предложила выпить?

– Я отказался. Не хочу мешать наш разговор с выпивкой.

– Ну, как знаешь. Садись, хватит стоять над душой.

Верджил сел на зелёное кресло, повёрнутое в сторону дивана.

– Ты бы, может, выпил чего?

– Я уже сказал Фэйт, что не хочу.

– Как там твоя нога, не беспокоит больше?

– Нет, всё отлично.

– Не надо было мне заходить за тобой вчера. Может, и обошлось бы. Что-то не тот я, каким был прежде.

Верджил ничего не ответил, Джон помолчал, и продолжил:

– Погода стала меняться, тебе не кажется?

– О чём ты хотел поговорить?

Джон будто осёкся и замолчал, лицо его стало серьёзным. Маска боли исчезла, только холодное лицо и сфокусированные глаза виднелись в темноте.

– О детях.

– Какие-то проблемы?

– Нет, пока всё в порядке. Сейчас каникулы и они у бабушки. Но скоро они должны вернуться. Ты не хотел бы отсюда уехать?

– Почему я должен отсюда уезжать?

– Я не хотел бы, чтоб ты с ними виделся. Тебе давно пора было это сделать. Сделай это, и всем будет спокойней.

– Ты хотел меня увидеть, чтобы сказать это?

– Да, больше мне добавить тебе нечего. В этом доме тебе не очень рады. Ты должен это понимать.

– Я это понимаю.

– Тогда наш разговор может быть окончен.

– Хорошо, Джон, я тебя понял.

Верджил встал, и, подойдя к двери, оглянулся. Джон всё ещё сидел на диване в той же позе.

– Счастливо, – сказал Верджил, и вышел.

Он встретил Фэйт почти у входной двери, как раз, когда надевал пальто. На теле Фэйт Верджил снова заметил синяки, они часто на ней появлялись с тех пор, как она его покинула. Фэйт подошла почти вплотную, и тихо заговорила с ним.

– Дорогой. Ты должен его понять. Он не хочет, чтобы дети росли и видели тебя. Он чувствует, что они начинают любить тебя больше.

– Наверно, это потому, что я их отец.

– Как бы там ни было, тебе лучше уехать.

Верджил ничего не ответил. Он тихо открыл дверь, и вышел. Снаружи было темно, холодно и дул сильный ветер. Он поднял голову, но птиц больше не было. Был только ветер.

26 февраля, 2019

ТО, ЧТО БЫВАЕТ В СЕРДЦЕ

Я совершал обыкновенную свою прогулку, которую делаю каждый вечер. В этот день было прохладнее всего, я это заметил, когда домой возвращаться было уже лень.

Многие этим вечером оказались глупее меня, или не знаю, как и сказать. Они были в шортах и майках. Мне хотя бы в последнюю минуту хватило ума надеть джинсовую куртку. И то, она не делала этот вечер слишком уютным. Ветер каждую секунду хотел доказать мне (и не только), что он сильнее. «Чёрт, не знаю, может, это и так, парень, но, скорее, где-то выше зданий», думал я про себя, застегивая все пуговицы до верху. С моим настроением идти быстро было просто нельзя. Наверно, поэтому я и простудился. Но тогда мне ещё слишком хотелось посидеть на моей любимой скамье, и посмотреть на всех этих проходящих мимо людей. «Праздник жизни!» было написано на их лицах. А я знал, что это просто очередной день, и на тебя, такую красивую, может быть, и обернутся, но это максимум, что произойдёт этим вечером. Я знал, что у всех этих счастливых парочек всё не так гладко, и когда они вернутся домой их улыбки сотрут их родные стены, и они вспомнят, что хотят от жизни чего-то большего, чем просто щеголять в своих лучших нарядах. Тогда-то они и припомнят друг другу всё, что накопилось в них за этот час, два, день. А может быть, и за всю вечность? Но сейчас

они об этом не думают.

Без движения, на скамейке, стало довольно холодно, и я понял, что пора собираться домой. Конец моей одинокой прогулки был близок. Оставшийся отрезок я знал назубок.

Я шёл вдоль главной дороги, и здесь всё ещё толпились люди. И мне кажется, что все они куда-то спешили. Многие спешили просто так, без особой причины, скорее, от волнения, от подступившей к красным глазам эйфории. И в этой почти прекрасной воскресной суматохе я заметил одну стройную девичью фигурку. Она стояла у дороги. Я, было, подумал, что это одна из жриц любви, как их принято теперь называть. Но было ещё достаточно светло, и она была ещё уж очень юна для этого, как мне показалось.

У меня возникло такое чувство, будто она высматривает и поджидает меня. Но затем она внезапно завернула за угол и скрылась. «Значит, я ошибся», подумал я, когда она исчезла с поля моего зрения. Когда я поравнялся с угловым зданием, то заметил, что она всё ещё здесь. Стоит. Ждёт. Я шёл прямо, и впереди была дорога, которую следовало перейти. Эта девчонка сорвалась с места, и поравнялась со мной. «Неужели ты идёшь рядом из-за меня?», думал я, изредка поворачивая голову в её сторону. Она шла так близко, что я мог с ней заговорить. Но она была так молода, что я не знал, что ей сказать. Возможно, это было бы даже преступно. Но преступно было и то, как она была одета. Нет, не плохо. Ни в коем случае! Я не мог отвести от неё глаз.

Особенно, когда она поняла, что ничего от меня не дожждётся, и стала ускорять шаг. Когда она оказалась впереди, она стала ещё красивей, ещё прекрасней, чем секунду назад. Она была так легко одета, что мне следовало бы пригласить её на чай, чтобы согреть. Но в этот день, в этот чёртов глупый день я был абсолютно без денег. И с каждым метром, который отдалял от меня эту красотку, я думал: «Как жаль, малышка. Как жаль». Вскоре, она снова завернула за угол, и скрылась в узких, малолюдных улочках небольшого города. Возможно, она свернула, чтобы вернуться домой, и одеться по-теплей, чтобы не заболеть. А я весь оставшийся вечер думал: «Как ты юна. Как ты красива. Как жаль, малышка, как жаль...».

16 апреля, 2018

ФРЕДДИ

В один из июльских дней, Фредди взглянул на солнце. Оно показалось ему ослепительно ярким. Он невольно прищурил глаза, и появилась улыбка, хоть на самом деле он не улыбался. Фредди стоял почти посередине леса, куда он ходил выбирать себе кусочки дерева для резьбы. Он научился вырезать несколько лет назад, когда его обучил этому его дед, ныне покойный, но всё ещё тепло любимый, и мало кто мог отозваться о нём плохим словом. Фредди всё ещё смотрел на солнце, и над ним пролетела хищная птица. Она издала крик, который разлетелся по всему предгорному хребту. Мальчик тут же обратил внимание на хищника. Но его глаза устали смотреть на столь яркое солнце, и он опустив голову, сильно их стиснул. Он не хотел задерживаться здесь слишком надолго. Солнце должно было садиться через три часа, а ему предстоял ещё долгий путь домой. Он взял найденные им толстые ветки, отломал лишние куски и отбросил. Те, что ему могли сгодиться, он сунул в мешок и надел шляпу. Снег под ногами был мокрый и рыхлый. Он начал таять ещё четыре дня назад. Когда погода взглянула на календарь. Тепло сильно запаздывало даже в эти края. Фредди шёл в джинсах, короткой куртке, и ковбойской шляпе, которая ему досталась от отца. Она была почти как новая, отец берег её, должно быть, чтобы передать сыну. Под снегом

проступала мокрая земля, в которой тут же вязли ноги. Ходить здесь можно было только в сапогах, и Фредди это хорошо знал. На всякий случай он носил с собой длинный охотничий нож, чтобы можно было побороться за свою жизнь, в случае чего. Фредди шёл, прислушиваясь к каждому шуму. Он знал, что здесь водятся медведи. Кое-где были даже расставлены на них капканы. И Фредди знал эти места, и обходил их стороной. Это они с отцом их расставили в октябре прошлого года. Тогда Фредди было ещё пятнадцать. Он уже и тогда не чувствовал себя ребёнком, но теперь он стал настоящим мужчиной. В таких краях надеяться особо не на кого. Но в жилах этого мальчика текла кровь его отца, а он был мужественным человеком. Его отец с матерью бежали сюда лет двадцать назад от цивилизации. Им слишком не нравилось то, что стало происходить вокруг. Они решили, что природа бывает намного ближе человеку, чем сам человек. К сожалению, отец Фредди ещё не знал, что иногда она может вонзить свои клыки в грудную клетку.

Все эти сопки, укрытые густым лесом, пахли так, как не пахла ни одна женщина. На макушках самых высоких гор всегда лежал снег, который никогда не таял. Это особенно нравилось Фредди. Он хотел когда-нибудь забраться туда, и посмотреть, каково это птицам, что летают на этой высоте. Но только не сейчас. Он знал, что должен ещё поднабраться опыта, ведь должен он был сделать это в одиночку. Лишь рюкзак, нож, тёплая одежда, и провизия могли быть его спут-

никами.

Фредди никогда не ходил в школу, его обучала его мать, школьная учительница. Она привила ему хороший вкус к литературе; отец кое-что смыслил в математике, так что считать и писать он умел, а остальное, как полагали его родители, не сильно и требуется.

К этому времени Фредди успел немного подустать. Видать, он набрал слишком много веток, но расставаться ему с ними не хотелось. Он решил, что просто вернётся домой уже, когда сядет солнце, и ничего страшного в этом нет.

Пройдено две трети пути, но тут он заметил, что правый его ботинок порвался, вернее, стала отрываться подошва.

Пару дней тому назад домашний пёс Макбет ни с того, ни с сего набросился на один его ботинок, словно что-то ему почудилось, и стал его терзать, как лев терзает свою добычу. Второй пары у Фредди не было, поэтому он вышел в тех, что теперь на нём. Когда он выходил, они ещё держались, и он рассчитывал, что на один поход их точно должно хватить.

Но теперь он шёл, и ощущал, как внутрь попадает мокрый снег вперемешку с грязью.

От холода он стал хромать, а иногда останавливался и вытрушивал то, что успело накопиться за это время.

Без ботинок здесь любому было бы крайне сложно. Повсюду лежали тонкие ветки, и лёд был похож на тонкие лезвия, оттого, что таяли так долго.

Когда в очередной раз Фредди облокотился о толстое де-

рево, чтобы вытряхнуть лишний мусор из ботинка, он услышал рёв. Это уже не был крик дикой птицы. Это был рёв голодного зверя. И как понял Фредди – это был медведь. От испуга Фредди потерял равновесие, и оступился. Когда он смог удержать баланс, чтобы не упасть на землю, он заметил, что стоит голой ногой на одном из торчащих острых кусочков льда. Когда он убрал ногу, то заметил маленькую каплю крови. Фредди тут же засунул ногу обратно в ботинок, и попытался бежать. Но в ботинке оказались ещё кусочки этого тонкого и прочного льда, которые поранили ногу ещё больше. Обувь стала не пригодной, так как слишком оторвалась подошва, и Фредди пришлось их выбросить. Он посмотрел вниз, и под ногами была небольшая красная лужица. Он услышал ещё один громкий рёв зверя, который на этот раз казался ещё ближе. Фредди оставил мешок с ветками рядом с тем местом, где он стоял, чтобы не создать шуму. И ступил босой ногой по земле. Было холодно, и израненные ноги сковывали движение. Каждый раз ему хотелось подобрать ногу под себя, чтобы ничего не чувствовать.

Но тут рёв оказался ещё ближе. Он был страшен. Зверь явно был больших размеров, и, судя по всему – голоден. Тот, кто первым доберётся до хижины – тот и победит – именно так обстояли дела этим вечером.

Фредди набрал в лёгкие воздуха, и посмотрел в сторону дома.

14 апреля, 2018

ФЕДЕРЛАЙН, С ЛЮБОВЬЮ

Как же хорошо жилось старику Федерлайну на его ферме в 1954 году. Его сыновья давно покинули его, разъехавшись по городам, всё ещё помня ужасы войны. Взрывы бомб всё ещё мелькали у них перед глазами, когда они оказывались в темноте.

Маккоуи тоже воевал, но это было ещё в первую мировую. Тогда он был ещё неокрепшим юнцом, и долг родине призвал его новобранцем в армию, где он и познакомился со всеми ужасами службы в пехоте. Говорят, вторая была ещё страшней. Но он знал о ней только по газетным статьям, и прямым радиоэфирам, которые Маккоуи слушал днём и ночью, так как теперь служили его сыновья. Да, конкретно о них он ничего узнать бы не смог, да и никто бы и не стал тратить столь драгоценное время на этих двух ребят, но старику Федерлайну хотелось знать, как можно больше о том, что творится на фронте.

Сегодня днём он слишком долго лежал на диване. Мысль об этом ему пришла в голову, когда отекли его ноги, и он подумал: «Должно быть, я целую вечность лежу на этом проклятом диване, чёрт бы его побрал». Но вставать ему не хотелось, он лишь попробовал найти более удобное положение для своих ног, которые были усеяны синюшными венами, кое-где переходящими в толстые узелки.

Он был укрыт шерстяным пледом, поскольку даже в самые жаркие дни его мучил озноб, его не покидало ощущение, что вот-вот кончится осень и наступят настоящие холода, и в доме должно быть полно еды, на случай, если дороги заметёт снегом, и машины с продовольствием не смогут доставить продукцию в магазины вовремя.

Где-то в конце комнаты тихо шумел телевизор. И была ли там передача, шёл фильм, или он просто шипел – не имело никакого значения. Просто старик Федерлайн никогда его не выключал. Возможно, он чувствовал одиночество, но даже не позволял себе думать об этом, иначе первая мысль в этом направлении могла свести его с ума.

Он давно перестал общаться с соседями. Он их недолюбливал, считал, что они ничего ещё не успели повидать в жизни, и это его жутко раздражало. Вообще, его много чего раздражало, поэтому он ощущал ответную реакцию, но пока что ему было просто наплевать.

Он хранил в своём доме охотничье ружьё, в случае чего, которым мог бы воспользоваться. Ещё в его доме был спрятан револьвер. Он и сам о нём частенько забывал, так как тот лежал в ящике стола. Старик Федерлайн в последние годы не отличался особой памятью, казалось, вся его память осталась на войне. На той, где воевал он сам, и в том странном времени, когда воевали его дети. С тех пор время для него словно остановилось. Оно бы и впрямь остановилось, если бы только не его морщины, которые покрывали его всё

больше и больше. Удивительным образом на его голове сохранялись черные волосы, правда, и они были усеяна редкими пучками поседевших прядей.

Трудно сказать, почему его глаза то и дело пускали слёзы, вернее становились чрезвычайно влажными, хотя казалось бы никаких причин для того не было. Его вечная щетина стала белой ещё давно. Всё казалось, будто детишки, играя в снежки, попали ему прямо в лицо и шею, и с тех пор этот снег никак не мог растаять, но, конечно же, это не было снегом – это были его воспоминания, странным образом отложившиеся не на густой шевелюре, а на рыхлом лице с обвисшей кожей.

Старик держал собаку, почти такую же старую, как он сам. Это была собака породы зенненхунд по кличке Роджер. Он держал его, чтобы в случае, если в дом проникнут люди, Роджер смог защитить его, и предупредить, прежде чем воры проберутся в спальню, и старик Федерлайн мог бы взять в руки своё ружьё, или хотя бы револьвер, если бы о нём вспомнил.

Когда Маккоуи надоело лежать на диване, он открыл глаза, встал с дивана, и направился в сторону двери. Открыв её, он облокотился о дверной проём, и крепко вздохнул, словно тяжесть прошлых лет снова обрушилась на его бедную голову. Над ним этим вечером горело много звёзд, и куда-то вдаль, вместе со стариком Федерлайном, смотрел и его пёс Роджер.

Когда Маккоуи понял, что ничего нового он не увидит, он вернулся в дом, и плотно захлопнул дверь, чтобы легче было воспользоваться замком и старым засовом. Он подумал, что хочет есть, но для ужина было уже слишком поздно, и он выпил стакан холодной воды. Затем он сел за стол, и стал писать какое-то письмо, для этого он зажёг небольшой светильник, что стоял в углу на том же столе, который отдавал тусклым жёлтым светом. Закончив письмо, он отправился в кровать.

На днях должны были приехать его сыновья Барри и Билл, но в этот раз они запаздывали.

Старик никак не мог заснуть даже спустя два часа тщетных усилий. Он держал глаза закрытыми в надежде, что темнота усыпит его, потом он уставал и снова раскрывал их, и видел всю ту же приевшуюся сто лет назад комнату, каждый сантиметр в которой был давно изучен. Это его истощало, словно бой на фронте, разница была лишь в том, что теперь его соперник был невидим. Это была бессонница. Но со временем он так устал, что просто отключился, чего раньше почти никогда не было. Но Маккоуи не смог насладиться таким долгожданным сном, его разбудили. Он увидел яркий свет. Этот свет, должно быть, расплывали фары старого бьюика, на котором приехали Билл и Барри. Он услышал, как затих мотор, и захлопнулись двери. С весёлыми шутками его сыновья вошли в дом, не особо беспокоясь о сне своего старика. Но Федерлайн был этому только рад. Он так обрадовался, что не смог сразу подняться с постели, и по его

белой от щетины щеке, покатила старческая слеза.

Обычно Роджер лаял на всех, даже на Барри и Билла, так как они были здесь редкими гостями, и он всё никак не мог к ним привыкнуть, но в этот раз Роджер молчал. Маккоуи этому очень обрадовался, потому что теперь ничто не испортило праздника по случаю их прибытия, пусть и в столь поздний час. Через минуту старик нашёл в себе силы встать, чтобы одеться и как следует встретить своих сыновей, которых он давно не видел.

Но в эту минуту соседи услышали внезапный выстрел.

Кёртис, сосед Федерлайна, который жил поблизости, проснулся с чётким пониманием, что это был выстрел из ружья. И он знал, что старик хранит у себя в доме это оружие, так как однажды, почти спятив, грозился ему, что перестреляет любого, кто попытается проникнуть в его дом.

Кёртис помчался к своей входной двери, и, открыв её, ничего не увидел. Перед домом Маккоуи не было никакой суматохи, которую мог бы вызвать этот выстрел. Не было ничего, ни машины, ни следов от колёс, даже трава не была примята. Он поспешил к дому, откуда прозвучал выстрел, но войти туда не было возможности, поскольку она была заперта. Роджер, разрываясь от лая, через какое-то время выбежал в проход, который был сделан специально для него в старых дверях, которые Маккоуи запер перед сном.

Этой же ночью, когда приехала полиция, и дверь была ими выбита, они обнаружили тело старика Федерлайна с ружьём

в правой руке и простреленной головой. Один из полицейских отвернулся, чтобы не смотреть на эту ужасную картину, и случайно свет фонарика пал на стол, где лежала записка, она была развёрнута, и полицейский подошёл поближе, чтобы посмотреть, что в ней. В конце говорилось: Моим дорогим сыновьям, Биллу и Барри, с любовью.

19 апреля, 2018

ПРЫГ-СКОК

Дуют ветра. Они пришли неведомо откуда. Сквозь закрытые окна доносится их страшный гул. Тот, кто не боится – выходит из дому, он идёт навстречу удаче. Небо ясное, всё пронизано солнцем, это и вводит людей в заблуждение. Но, открыв двери, вы попадаете во власть невидимой стихии, которая не рада вам. Вы, человек, что можете с ней поделаться? Она, может в любую минуту разделаться с вами, обрушится на вас дерево, но вы зачарованы ею, вы идёте, и думаете, что сейчас вы полетите, как птица, как альбатрос над водною пустыней. Вы решите, что эта могучая сила подхватит вас, словно ребёнка подхватывают качели, что в одно мгновение взметнут его вверх, так и вас потоки ветра вознесут выше всяких строений сооруженных человеком. Но, увы, вы не стали избранным, вас не удостоили такой чести. С вас всего лишь снесло шляпу, сорвало зонтик, теперь вы злы, вы беспощадны, и вы потеряли своё детство навсегда!

Так что же вы, шестидесятилетний, вспоминаете своё детство. Когда вы, держась за верёвку, разбегались, и прыгали в воду, немного повисев над ней, словно ястреб, что собирается напасть на свою жертву, и камнем отправляетесь вниз, и делаете так много брызг, так много шума, как это делает праздничный салют на честь 4 июля. О, эти брызги... В ночном небе они были бы точно маленькие искорки, что зажига-

ют в детских сердцах надежды. И эти надежды теперь так далеки от вас, как та вода, в которую вы некогда вошли, но так и не смогли забыть её. Вы шестидесятилетний ребёнок, и вам стыдно, что ваше детство кончилось так давно, так внезапно, что узнав об этом, вы испугались и поседели... Но и сейчас, даже теперь, когда ветер подхватывает ваше пальто, вы придерживаете шляпу, чтобы она не сорвалась, а вы, вы не побежали за ней, как юнец-сорванец, чтобы никто не узнал, что вы всё тот же, просто слишком хорошо играете в прятки; что вы победили в этой игре.

21 апреля, 2018

ПОЧТИ ЧТО ПОЛНОЧЬ

Фостер Бин носил джинсовый комбинезон, сколько я его помню. Наверно, его мама родила в нём. Я, в общем-то, тоже не сильно часто меняю свою одежду, но она не настолько примелькалась, как джинсовый комбинезон Фостера.

Мне кажется, нам тогда было лет по десять. Фостер мне всё лето прожужжал, про это место. Он так надоел мне, что я согласился пойти с ним только для того, чтобы он замолчал.

Я не знал, кому принадлежала та земля, в тех краях вообще больше ориентировался Фостер, там дед его жил. Крепкий старик был, сейчас таких не встретишь. Старый был, а всё равно злой, да такой, как кремень. Лучше не приближаться, честное слово. Наверно, это он Фостеру и купил этот комбинезон. Хотя, может, у него их было десятка два, кто их разберёт.

В тот вечер на землю легла приятная прохлада. Трава запахла очень вкусно, хоть бери её и нюхай, как табак, вот так она пахла. Мне было лень куда-то идти, ну, знаете, бывает такое, что не хочешь никого видеть. Так этот Фостер, как привяжется, уж лучше сразу сделать то, что он просит.

Я тогда сидел на своём любимом ящике, ждал, когда солнце начнёт опускаться. Но дождался я, конечно же, Фостера, он был моим солнцем.

Он подошёл и стал канючить, он так долго и противно это

мог делать, что мне стало жаль, что пропадает такой славный вечер, уж лучше было убраться куда-нибудь. Но я ему проиграл, поэтому должен был исполнить любое его желание. Уж лучше бы я в воду прыгнул со скалы, вот уж точно. У нас скала одна есть, мы её скалой Страха называем между нами. Однажды мы с неё спрыгнем, я в этом уверен, пусть нам будет и по пятьдесят лет. Раньше ребята прыгали. Было, правда, пару неудачных попыток, так этих потом забирали в мешках. Но мы должны были это сделать, о нас бы тогда легенды стали слагать. Но Фостер сказал:

– Пошли на ферму к Тоттенхэмам.

Я только посмотрел на него исподлобья, честное слово.

А он берёт да повторяет:

– Пошли на ферму к Тоттенхэмам.

– Фостер, ты серьёзно? – говорю.

– Да. Ты мне должен.

– Так, должно быть, ты и не отстанешь, да?

– Угу.

– Что с тобой делать, идиот ты этакий.

Ну, лучше было сразу сделать то, что он просит, чтоб отвязался быстрее. Если встретите Фостера, делайте, что он вам говорит, если не хотите с ума сойти от скуки.

В общем, пошли мы на ферму к Тоттенхэмам. Я, правда, не знал, где она находится, но само название мне уже не нравилось. Просто в городе я знал ещё одних Тоттенхэмов – те ещё людишки!

Вся прелесть этого вечера стала пропадать, как только мы отошли от моего дома. Вот зараза, испортил мне такое удовольствие. Я ещё и не ел ничерта.

Когда этот говнюк Фостер Солнце младший привёл нас на место, мне стало как-то так неуютно. Ну, знаете, бывает такое. Я ему сразу сказал, чтоб мы убирались оттуда. А он опять за своё:

– Ты мне должен, – говорит. И не забывает же!

Повсюду было тихо, никого не было видно. Правда, трава здесь так не пахла, но если б только это... Помню, свет в окнах горел, а так никаких признаков жизни. Мёртвая ферма была. Не знаю, как они там питались. Небо уже стало тёмным. Не совсем, конечно, но скоро станет совсем чёрным. Только здесь оно таким чёрным бывает.

Мы стояли и смотрели на дом Тоттенхэмов, а Фостер берёт и говорит:

– Видишь деревья?

– Вижу, – отвечаю я ему.

– Пошли к ним.

– Зачем? – спрашиваю я его.

– Пошли, не упрямясь.

Ну, пошли мы к тем деревьям.

Эти деревья уже пожелтели. Наверно, солнце сожгло их листья. В этом году было необыкновенно жаркое солнце. Но среди этих деревьев, а их там было штук семь, и все такие большие... Так вот, среди этих деревьев было одно с зелё-

ными листьями, совсем, как нормальное. Даже очень красивое. И пышное такое, пышнее, чем остальные. Фостер сказал, чтоб мы шли именно к нему.

Пока мы шли, я изредка поглядывал на дом Тоттенхэмов, не хотелось мне, чтоб оттуда вышел кто-нибудь. Ну, вы понимаете, да? Я оглядывался, пока чуть не стукнулся об это зелёное дерево, к которому так хотел Фостер. Мы остановились, и я говорю:

– Чёрт, да это самое большое дерево, что я видел!

– Ага, – сказал Фостер. – Оно всегда таким было. А ночью на нём появляются капли. Все листья в каплях. Говорят, это слёзы.

– Чьи же это слёзы, Фостер? – говорю. – Наверно, мои, да? Они точно там будут. Зачем ты нас сюда привёл?

– Я хотел, чтоб ты послушал.

– Кого? Здесь, кроме тебя никого нет. Все Тоттенхэмы у себя в доме, чему я очень рад.

– Нет. Я хотел, чтоб ты послушал дерево. Оно иногда разговаривает.

Я подумал, что Фостер свихнулся. Честное слово. Таковую чушь нести!

Уж лучше б он свихнулся, может, вылечили б... А ведь я сам слышал, как оно разговаривает. Своими ушами. И слёзы на листьях появляются, как и сказал Фостер. Откуда он всё это знал? Ночует здесь, что ли?

Это дерево стало говорить, но так, очень тихо, и очень

медленно. Почти ничего не разобрать. Но это точно были слова! Затем в темноте я увидел, как открывается дверь, и из неё струится яркий жёлтый свет. Это кто-то из Тоттенхэмов вышел проверить, кто это стоит возле их деревьев. У меня аж ноги подкосились, когда я это увидел. Мы сразу дали дёру. Даже не оглядывались.

С тех пор вот я и вспоминаю этот случай. А прошло уже не знаю, сколько лет. Я потом часто с Фостером говорил об этом. Спрашивал, зачем он меня туда водил. А он только и сказал, что срубили его следующим же днём. Вот и не знаю, что это было за дерево.

Правда, на днях я прочёл одну газету, так там говорилось об этой семейке Тоттенхэмов. Мол, сожгли они всю ферму. Якобы специально поджёг устроили. Уцелел только побег молодого дерева. Уж, не такое ли это дерево, а, как вы думаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.